

Видя, что небо темнеет, Цинь Хуай предложил сначала поужинать, а потом уже искать постоянный двор или прогуляться.

Когда они наелись и напились, вышли посмотреть.

В густых сумерках длинная улица была ярко освещена. Вдали виднелась барабанная башня, окруженная огнями, красные фонари опоясывали ее по кругу, освещая большую часть ночного неба, яркие, как пламя, затмевая даже ясный лунный свет.

Даже несмотря на то, что уже наступила ночь, в квартале по-прежнему царил оживление, слышались людские голоса, стоял гул от экипажей и лошадей — картина процветания.

Вэй Хо смотрел на фонари, висевшие на барабанной башне, то загорающиеся, то гаснущие, и его сердце билось в такт.

Мощная сила поднималась из глубин души, распространяясь по всем конечностям.

Он выдохнул, решительно спустился по ступеням, обернулся и помахал рукой таким же обрадованным двум спутникам:

— Спускайтесь, давайте вместе прогуляемся по столице!

Здесь всё было новым, величественным и полным жизненной силы.

Они гуляли до самого часа ю, прежде чем решили найти постоянный двор для ночлега.

— Бум! — что-то взорвалось над их головами. Трое вздрогнули от вспышки света, обернулись назад.

Огненный цветок расцвел в небе, ослепительный, как распускающийся бутон, за ним второй, третий, украшая бескрайнее ночное небо.

Грохот разносился над их головами, фейерверк не умолкал, и в промежутках доносились переливы традиционной китайской музыки.

Эта ночь была слишком хороша, чтобы не мечтать, и Вэй Хо действительно видел не один сон.

Ему снилось, как он в дорогой шубе из соболя шел с Цинь Хуаем по длинной улице; потом вдруг приснилось, как он сдал высший экзамен, и о нём узнали десятки тысяч людей, вернулся домой в шелковых одеждах, все соседи вышли поздравлять, а Ван Янь и Цинь Сюин прятались за углом, топали ногами от злости, но ничего не могли поделать; ещё через некоторое время приснились тетушка Лю и Цинь Цзэ, они всё ещё были живы, сияли улыбками, хвалили его за то, что он не подвел их ожиданий.

Во сне Вэй Хо с улыбкой прищмокивал губами, закутывался плотнее в одеяло и погружался в глубокий сон.

За окном ночной ветерок шелестел ветвями ив, ивы ласкали ночную темноту, неслышно, до самого рассвета.

В государстве Чэнь существовало правило: все кандидаты, сдавшие провинциальный экзамен, приезжающие в столицу для сдачи экзаменов и останавливающиеся в почтовых станциях или постоянных дворах, должны платить минимальную плату за проживание, запрещено недобросовестно завышать цены. Благодаря статусу кандидатов, сдавших провинциальный

экзамен, Вэй Хо и Тань Чжэ заплатили очень мало, а Цинь Хуай достал прошлогоднюю бумагу о сдаче детского экзамена, и хозяин постоянного двора тоже пошел на уступки.

Чтобы избежать каких-либо происшествий в пути, которые могли бы помешать сдаче столичного экзамена, они выехали рано и прибыли в Цзяньгу за полмесяца до экзаменационного периода. За эти полмесяца Вэй Хо занимался последним повторением, а когда мысли начинали путаться, гулял по столице, постепенно осмотрев большую часть Цзяньгу.

Во время обеда часто можно было услышать, как другие кандидаты обсуждали самые разные темы — от государственных дел до деревенских забав. Все они приехали с разных сторон, многие впервые оказались в столице, впервые общались с людьми со всех уголков страны, все были полны энтузиазма, весело разговаривали и смеялись.

Среди ученых мужей был один кандидат в синей одежде по имени Ван Юань, который всегда был красноречив, говоря о государственных делах. Послушав его подольше, и Вэй Хо, и остальные могли уловить, что в его словах много личных домыслов и часто встречается преувеличение, но слушать было интересно.

В один из дней за обедом Вэй Хо, набивая рот жареными арахисовыми бобами, наострил уши, терпеливо слушая, как Ван Юань за соседним столиком разглагольствует.

Ван Юань стукнул палочками по тарелке перед собой, приподнял брови, в глазах сверкнула хитрая искорка:

— Вы не поверите, год назад в столице было беспокойно, произошла большая перетряска!

Кто-то наполовину из любопытства, наполовину в шутку спросил:

— Какая перетряска? Давай рассказывай, чего мямлишь?

— Не торопитесь, слушайте внимательно, — Ван Юань поднял чашку, отпил чаю, с чувством вздохнул и продолжил. — Все знают, что у императора пять сыновей. Прежний наследный принц погиб, восьмой и девятый принцы ещё слишком малы, поэтому будущий престол займет один из наследного принца, третьего принца или бывшего пятого принца. Но, к сожалению, в прошлом году пятый принц совершил преступление и по закону должен был быть казнен, но каким-то образом бежал из столицы, хотя потом его всё же схватили солдаты.

— Это все знают, расскажи что-нибудь, чего мы не знаем.

Ван Юань цыкнул, недовольный, что его перебили, помолчал несколько секунд и сказал:

— Я еще не закончил, чего торопишься? Ну ладно... продолжаю. На чем я остановился?

Вэй Хо как раз проглотил горсть арахисовых бобов, почесал затылок и подсказал:

— Пятого принца схватили солдаты.

— Ах да. Эх, вообще-то говоря, этот пятый принц, цыц-цыц, как жаль. Из трех перспективных принцев он был самым красивым и больше всех нравился императору, в гражданских и военных делах разбирался отлично, два года назад даже повел стотысячное войско, дошел до самого логова варваров и одержал великую победу. Поэтому при дворе, особенно в Министерстве войны, ему полностью доверяли, и даже его мать, — Ван Юань слегка наклонил

голову, понизив голос, — уже казненная наложница Дэ, тоже была бесконечно любима. Но кто бы мог подумать, что его обвинят в попытке отравить императора, чтобы захватить престол и взойти на трон? Кто поверит? Чиновники при дворе отказывались признавать это! Люди из Министерства войны ручались своими жизнями и имуществом, что пятый принц ни за что не способен на такое, но в результате расследование Верховного суда показало, о ужас, что он действительно совершил измену. Император разгневался! Немедленно приказал конфисковать имущество южной резиденции принца, казнить наложницу Дэ, казнить пятого принца. Эх, еще мгновение назад наслаждался богатством и славой, а в следующее уже обрушилось несчастье!

Ван Юань с чувством высказался, и все посетители, сидевшие на первом этаже постоянного двора, замолчали. Хозяин зевнул, подпер голову рукой и потыкал в счеты.

Кто-то спросил:

— Но как же это раскрыли? Зачем пятому принцу было так поступать?

Ван Юань скривил губы:

— Как раскрыли? Что мы, простолюдины, можем знать? А насчет того, зачем пятому принцу было так делать, достаточно подумать кончиками пальцев ног. Он ведь не сын императрицы, так что даже если был любимцем, что с того? Всё равно же...

— Ладно, ладно, — хозяин не выдержал и постучал чашкой по стойке. — В нашем маленьком постоялом дворе не стоит обсуждать государственные дела. Разве вы не боитесь, что слово вылетит — не поймаешь? Даже если вы не боитесь, мне, хозяину, ещё семью кормить надо.

Все поняли намек и быстро перевели разговор на собственные перспективы.

— Эй, как вы думаете, какие темы политических трактатов могут выпасть на этом столичном экзамене?

Кандидаты высказывали свои мнения, Вэй Хо тоже обдумывал в уме. Политический трактат на провинциальном экзамене был довольно простым, в основном проверяли знание канонов и умение сочинять стихи, а на столичном и дворцовом экзаменах к трактатам относились гораздо серьезнее, их вес был больше. В государстве Чэнь часто говорили: «Побеждает трактат — побеждает Поднебесную», в этом и смысл.

Императорские экзамены проводились для отбора талантливых людей, способных стать чиновниками, политический трактат проверял знание текущих дел — тем самым выявляли, есть ли у кандидатов истинное понимание государственных вопросов, чтобы выбрать мудрых и рекомендовать способных. В узком смысле это также предотвращало отбор чиновников, которые не слышат ничего за окном, только читают книги мудрецов — посредственностей.

Только вот...

— Только вот, — подхватил Ван Юань, — вы все, пожалуй, мыслите слишком поверхностно.

Кто-то, кто давно уже недолюбливал его, с презрением фыркнул:

— Ну-ка, расскажи, как не поверхностно.

Ван Юань не рассердился, лишь улыбнулся, опустив голову, затем поднял брови и спросил:

— Чья это Поднебесная?

— Конечно, сына Неба.

— Вот именно, — Ван Юань положил палочки на чашу. — Даже самый крупный, самый не умеющий льстить чиновник всё равно должен слушаться сына Неба, действовать, оглядываясь на его выражение лица. И хорошие ответы на темы политических трактатов непременно должны затронуть сердце императора. Иначе, даже если вам случайно удастся пройти столичный экзамен, вы думаете, пройдете дворцовый?

После его слов кто-то кивнул в знак согласия, кто-то зашептался, обсуждая, кто-то презрительно отвернулся.

Вэй Хо допил рисовую кашу в своей чаше, вытер рот, встал и отправился в комнату продолжать читать.

За ужином Тань Чжэ тоже заговорил с Вэй Хо об этом.

— Юаньда, — Тань Чжэ назвал Вэй Хо по имени и спросил его:

— Как думаешь, есть ли смысл в словах Ван Юаня?

Вэй Хо кивнул:

— Есть.

— Тогда ты собираешься писать, угождая предпочтениям императора?

Вэй Хо смущенно:

— А какие предпочтения у императора?

Тань Чжэ тоже смутился:

— Откуда мне знать? Если ты считаешь, что Ван Юань небезоснователен, нужно же выяснить!

Вэй Хо подумал и сказал:

— Хоть я и считаю, что он прав, но учитель говорил, что ученый, занимающийся наукой и пишущий сочинения, каждое слово должен исходить из сердца. Сейчас я могу писать статьи от души, но если пойду выяснять, чувствую, что это противоречит такому первоначальному замыслу. Пусть всё будет просто, естественно, не хочу слишком много об этом думать.

Тань Чжэ промолчал, слегка кивнул:

— Есть смысл, тогда я тоже не буду ни о чем спрашивать!

<http://bllate.org/book/15583/1387667>